

В октябре 2009 года в Институте русского языка РАН открылся Центр изучения церковнославянского языка. Впервые в истории светской российской академической науки создано специальное научное подразделение для изучения языка современного православного богослужения. Нужна ли сегодня реформа богослужебного языка? Не мешает ли его архаичность восприятию молитвы? На вопросы «НС» отвечают сотрудники Центра изучения церковнославянского языка Александр КРАВЕЦКИЙ и Александра ПЛЕТНЕВА.

— Насколько сегодняшние прихожане понимают богослужение?

^[1]**Александр Кравецкий:** Корректно ответить на этот вопрос едва ли возможно. Если понимание — это способность воспроизвести своими словами содержание, то я сомневаюсь, что средний прихожанин сегодня способен пересказать даже канон преподобного Андрея Критского, во время чтения которого многие стоят с книжечками и подглядывают в русский перевод. Но в этом нет ничего страшного. Пересказ поэтического текста вообще вряд ли возможен. Если же считать, что понимание — это некое узнавание текста, то для людей, регулярно ходящих в храм, богослужение в общем достаточно понятно.

Александра Плетнева: Говоря об отношении прихожан к литургическим текстам, быть может, не стоит злоупотреблять словом «понимание». Мы же говорим не о текстах учебника, которые учащиеся должны понять, запомнить и воспроизвести на экзамене! Здесь лучше говорить о восприятии. Ведь человек может не до конца понимать текст, но воспринимать его эмоционально-смысловую нагруженность. Когда речь идет о тексте поэтическом, это не так уж мало.

А. Кравецкий: Проблема «непонятности» богослужебных текстов действительно существует. Но, на мой взгляд, вопрос следует ставить шире — насколько сознательно современный прихожанин участвует в богослужении. Представим себе, что мы все перевели на русский язык. Да, какие-то слова прояснятся, но метафорика останется по-прежнему непонятной. «Камень нерукосечный от несекомой горы» — кто поймет эту метафору? Только тот, кто опознает здесь образ из книги пророка Даниила (см. Дан : 2. 31-34), где рассказывается том, что царь Навуходоносор видел во сне гору, от которой без помощи рук отделился камень и сокрушил идола. Это видение христианская традиция понимает как прообраз Рождества Христова: Камень (Христос), отделившийся от Горы (Богородицы), сокрушил языческий мир. Этот сюжет дает авторам богослужебных песнопений возможность называть Христа «Камнем» нерукосечным, а Богородицу «Горой» или «Горой несекомой». И таких примеров можно привести множество, поскольку богослужение — это поэтический текст. Для тех, кто регулярно посещает храм, перевод сделает богослужение более ясным процентов на двадцать, не больше.

— Всегда ли богослужебный язык был сложен для понимания?

А. Кравецкий: Современный язык богослужения не является наследником разговорного языка наших предков. Он восходит к языку древнерусской письменности, а тот, в свою очередь, к старославянскому, языку переводов святых Кирилла и Мефодия. Эти переводы появились на Руси в результате ее христианизации. Церковнославянский — это литературный язык, он никогда разговорным не был. Но, с другой стороны, он все время менялся под воздействием разговорного древнерусского. Богослужебные тексты многократно исправлялись, иногда — в сторону упрощения, когда старославянские формы заменялись на «современные» древнерусские, иногда — в сторону усложнения.

Интересно, что крестьянину XIX века одинаково чужим казался и церковнославянский, и наш литературный русский язык. Но первый ему было понимать проще, потому что большинство крестьян тогда учились читать по Часослову и Псалтири. А сейчас мы наблюдаем обратную картину. В X VIII веке, когда появилась классическая русская литература, церковнославянская книжность оказалась вне «высокой» культуры, а позже вне культуры вообще. Так что воспринимать церковнославянский текст для

человека, выросшего на Чехове и Толстом, достаточно сложно. Тем более такой наполненный аллюзиями и составной текст, как богослужение.

К слову, как развитие живописи к началу XX века позволило современникам оценить православную икону, которая еще в начале XIX века не была бы ими понята, так и нынешнему студенту — читателю «Хазарского словаря» Павича, привыкшему к нелинейному чтению, расшифровке аллюзий и ссылок, — воспринимать литургическую поэзию зачастую оказывается намного проще, чем людям старшего поколения.

Без славянизмов не обойтись

— В чем же сложность перевода богослужебных текстов?

А. Кравецкий : Перед переводчиком встает масса вопросов. С какого языка переводить — с греческого или же с церковнославянского? Какие богослужебные тексты переводить стоит, а какие нет? На какой язык переводить?

А. Плетнева: В современном русском языке не существует богослужебного стиля. Почему переведенные тексты, как правило, не нравятся? Потому что у нас нет необходимых средств для адекватного перевода молитвы. Формы, грамматические конструкции — все это профессионал может перевести без значительных потерь. Но что из этого получится? Давайте попробуем: «Ртом ребенка говорит правда» или «Вставай пророк, смотри и слушай»... Формально все правильно, а в итоге — звучит как пародия. Дело в том, что в русском языке высокий стиль — это славянизмы, и именно поэтому замена славянских форм на русские вызывает комичный эффект. Если в переводе с церковнославянского мы хотим сохранить стиль, то отказаться от славянизмов никак не получится. Наглядный пример тому — переводы, выходящие под редакцией священника Георгия Кочеткова. Если первое издание было попыткой перевода именно на современный русский, то в последнем, третьем, издании используется сильно славянизированный язык.

Кроме того, есть и еще одна проблема — отсутствие полноценных словарей церковнославянского языка. Наиболее полный словарь, составленный в конце XIX века протоиереем Григорием Дьяченко, очень интересный, но достаточно бессистемный. А поскольку работа над словарями очень трудоемка, попытки составить новый словарь богослужебного языка не предпринимались. Новые возможности появились благодаря труду энтузиастов, объединившиеся в сетевой коллектив «Сообщество православной типографики». Участники Сообщества оцифровали тексты основных богослужебных книг. И на основе этих цифровых версий в Центре изучения церковнославянского языка при Институте русского языка РАН началась работа над большим словарем церковнославянского языка. По предварительным расчетам его объем составит порядка 220 авторских листов — это пять-шесть томов и годы работы.

— Может быть, просто всем взять и выучить церковнославянский — и тогда отпадет проблема перевода?

А. Кравецкий: Есть такая идея — преподавать церковнославянский язык в школе. И в этом есть рациональное зерно. На Западе, например, в некоторых школах изучают латынь. Для итальянца или француза латынь — то же, что и для русского церковнославянский, то есть некий фон восприятия родного языка. К тому же церковнославянский язык идеально подходит для передачи особенностей изысканной византийской литургической поэзии. Подобно тому, как итальянские школьники читают «Божественную комедию» Данте, российские школьники могли бы в церковнославянской версии знакомиться с поэзией Иоанна Дамаскина, Иосифа Песнопевца, Кассии... Могли бы, но пока этого не происходит.

При этом мне кажется утопичной мысль о том, что, обучив всех церковнославянской грамматике, можно решить все проблемы. Для восприятия богослужебных канонов знание грамматики необходимо, но недостаточно.

— Что можно упростить?

А. Кравецкий: Во-первых, синтаксис. В современных церковнославянских текстах много греческих синтаксических конструкций, которые крайне усложняют понимание. Они появились в основном в XVII веке, когда по инициативе патриарха Никона славянские богослужебные книги исправлялись по греческим образцам. Поэтому старообрядческий текст, как ни странно, намного понятнее «никоновского».

Кроме того, есть так называемые «ложные друзья переводчика», слова, звучащие на церковнославянском так же, как и на русском, но имеющие совсем другое значение. Например, «Премудрость прости» значит «Премудрость, стойте прямо!», а не просьбу «простить» кого-то. Или, например, прилагательное «злачный». В современном языке оно имеет однозначно негативный оттенок, а в церковнославянском «место злачно» — это место, покрытое молодой зеленой травой. Поэтому прошение молитвы, читаемой священником во время погребения «Упокой душу усопшего раба твоего в месте светле, в месте злачне (т. е., в раю)», у человека, не знакомого с тонкостями церковнославянской семантики, вызывает совсем не благочестивые ассоциации. Вот с такими двусмысленностями следует поработать.

А основные моменты, которые на слуху, их как раз не стоит трогать. Именно таким образом в начале XX века работала действующая при Синоде Комиссия по исправлению богослужебных книг, возглавляемая архиепископом Сергием (Страгородским). В исправленных тогда Постной и Цветной Триодях упрощался синтаксис, заменялись трудные для понимания слова. При этом те тексты, которые всем хорошо знакомы, менять не стали.

— Есть какие-то другие пути прояснения текстов, кроме перевода?

А. Плетнева. Тут могут помочь пособия с комментариями сложных фрагментов богослужения. В некоторых храмах перед службой раздают листки с текстами, которые сегодня прозвучат. Года два назад в интернете обсуждалась возможность электронных комментариев на богослужение каждого дня, который можно было бы скачать в наладонник и брать с собой в храм. Технически это вполне осуществимо, проблема лишь в том, что для подавляющего большинства текстов подобные комментарии отсутствуют. И задача филологов, в том числе работающих в нашем центре, подготовить справочный материал, который поможет нашим современникам воспринимать литургическую поэзию Русской Церкви.

СПРАВКА Александр КРАВЕЦКИЙ, родился в 1962 году. В 1986 году окончил филологический факультет МГУ, кандидат филологических наук (1999), старший научный сотрудник Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН, руководитель Научного центра по изучению церковнославянского языка при ИРЯ РАН. **Александра ПЛЕТНЕВА**, родилась в 1964 году. В 1987 году окончила филологический факультет МГУ, кандидат филологических наук (1999), старший научный сотрудник Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН.

Правда ли, что «народ не принял» перевод богослужения, изданный до революции комиссией митрополита Сергия (Страгородского)?

Митрополит Сергей (Страгородский), будущий патриарх Русской Церкви, до революции возглавлял специальную комиссию, занимавшуюся обновлением, «русификацией» богослужебных книг. Работа этой комиссии не была завершена, но к концу 1912 года были выпущены Триоди. Сейчас эти Триоди не используются. Существует распространенное мнение: «Народ не принял новую редакцию Триоди». В

подтверждение этой мысли обычно рассказывают следующую историю: «Великим постом 1912 года митрополит Сергей вышел читать переведенный канон святого Андрея Критского: “С чего начну оплакивать окаянного моего жития деяний...” После окончания богослужения народ остался стоять в храме. Увидев уходящего владыку, кто-то недоуменно спросил: “А когда будут канон Андрея Критского читать?” На следующий день митрополит Сергей читал канон уже по старому тексту...»

Против этой версии возражает церковный историк, **заместитель председателя ОВЦС, магистр богословия протоиерей Николай БАЛАШОВ:**

— В этой истории за что ни возьмись, все не так. И митрополитом тогдашний архиепископ стал только пять лет спустя. И читать в 1912 году не мог по новой книге — первые экземпляры исправленной Триоди вышли в свет к концу года. И тропарь канона в этой редакции звучит не так, как его «цитируют» (приведем для сравнения подлинный текст в Сергиевской редакции: «Откуда начну плакати о деяниях окаянного жития моего? или кое положу начало нынешнему рыданию? но Ты, Христе, яко благосерд, даждь ми прегрешений оставление»). Никакого разочарования в своих усилиях будущий патриарх не испытал — напротив, продолжал до самой революции 1917 года неустанно трудиться во главе созданной Святейшим Синодом комиссии, которая успела исправить тексты Пентикостариона (Цветной триоди), обеих частей Октоиха, Праздничной минеи и Минеи сентябрьской.

Задачу этой работы владыка Сергей формулировал так: «Принимая за данное существующий в богослужебной практике славянский перевод и сохраняя его по возможности неприкосновенным (особенно в местах, наиболее привычных уху богомольца и наиболее ему дорогих), устранить из этого перевода лишь то, что явно мешает его удобовразумительности, исправить расстановку слов, очевидные ошибки перевода, заменить особо устарелые обороты и слова более новыми... Да иного исправления в нашем богослужении едва ли и можно желать и даже допустить... Я бы с величайшей готовностью предоставил себя в распоряжение церковной власти для продолжения дела исправления книг, в крайней необходимости которого для Церкви я твердо убежден».

Если «народ не захотел слушать» исправленные богослужебные тексты, то чем же объяснить, что за четыре года, с 1913-го по 1917-й, продажа исправленной Триоди выросла почти вдвое против продажи прежнего издания за такой же период с 1909-го по 1913 год? И это несмотря на экономические трудности военного времени!

Пожалуй, главной ошибкой в этом опыте книжной sprawy был его скрытый характер: Синод распорядился не делать никаких указаний на произведенные исправления, опасаясь критики со стороны ревнителей старины. Вот от того и происходили отдельные случаи, когда новый текст «не приживался» на клиросах. Еще бы! Иной раз один певчий пел по старой книге, а другой в то же время — по исправленной, из чего, конечно же, получалась сумятица. Такое случалось и после выпуска Сретенским монастырем Служб страстной седмицы в 1993 году (в основу фототипического издания был также положен «Сергиевский» текст).

Тонкий знаток и ревнитель богослужения святитель Афанасий (Сахаров) был убежден, что именно «Сергиевская» редакция Постной и Цветной Триодей «является единственно узаконенной и потому обязательной для всех храмов Русского Патриархата». И сам святитель в своем келейном богослужении пользовался именно ею.

На Архиерейском соборе 1994 года покойный патриарх Алексий II призвал завершить «редактирование богослужебных текстов... начатое в нашей Церкви» в предреволюционные годы, поставив при этом цель: «Сделать богослужение более доступным людям». К сожалению, реализовать эту задачу до сих пор не удалось. Но ее актуальность не вызывает никаких сомнений, о чем неоднократно говорил и нынешний Первосвятитель Русской Церкви.